

БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Стихотворения
Сказки
Поэмы

Москва
2022

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5
П91

Разработка художественного оформления серии
А. Бондаренко

Оформление суперобложки *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты работ художников *Василия Тропинина,*
Ивана Айвазовского и Ореста Кипренского

П91 **Пушкин, Александр Сергеевич.**
Стихотворения / Александр Пушкин. – Москва : Эксмо, 2022. – 544 с.

ISBN 978-5-04-089427-7

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) – величайший русский поэт, реформатор и создатель новой русской литературы, приблизивший народную речь к литературному языку. Стиль его произведений признают эталонным. Его перу было подвластно все: философская, гражданская, любовная лирика, переводы, подражания древним, сатирические жанры, в том числе эпиграммы. Свои жизненные и мировоззренческие искания Пушкин воплотил в стихотворениях, в которых отразилась широта интересов и трансформация взглядов поэта. В книгу включены лучшие стихотворения, поэмы, сказки, любимые многими с детства.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-04-089427-7

© Сурат И.З., статьи, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Содержание

<i>И. Сурат. Путь Пушкина</i>	13
-------------------------------------	----

СТИХОТВОРЕНИЯ

1813	
К Наталье	33
1814	
Казак	37
Князю А. М. Горчакову	39
Опытность	40
К Наташе	41
Пирующие студенты	42
1815	
Лицинию	46
Старик	48
Наполеон на Эльбе	48
Мое завещание	51
Моя эпитафия	54

СОДЕРЖАНИЕ

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году	54
Слеза	57
К бар. М. А. Дельвиг	58
1816	
Из письма к кн. П. А. Вяземскому	59
Из письма к В. Л. Пушкину	59
Друзьям	60
Элегия («Я думал, что любовь погасла навсегда...»)	60
Пробуждение	62
1817	
К Каверину	63
Элегия («Опять я ваш, о юные друзья...»)	63
К молодой вдове	65
Дельвигу	66
Товарищам	67
Разлука (<i>Кюхельбекеру</i>)	68
Она	69
«Простите, верные дубравы!..»	69
К*** («Не спрашивай, зачем унылой думой...»)	69
Вольность. <i>Ода</i>	70
1818	
Жуковскому	74
Мечтателю	74
«И я слышал, что Божий свет...»	75

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки. Noël	76
Прелестнице	77
К Чаадаеву	78
1819	
Орлову	79
Деревня	80
Уединение	82
Веселый пир	83
Возрождение	83
Послание к кн. А. М. Горчакову	83
1817 – апрель 1820	
На Аракчеева	86
К портрету Чаадаева	86
1820	
«Увы! Зачем она блистает...»	87
«Погасло дневное светило...»	87
«Редет облаков летучая гряда...»	89
1821	
Муза	90
«Я пережил свои желанья...»	90
Война	91
«Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...»	92
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»	92
Наполеон	93
Десятая заповедь	97

СОДЕРЖАНИЕ

Друзьям	98
Песнь о вещем Олеге	98
Гречанке	102
Послание цензору	103
«Наперсница волшебной старины...»	107
Узник	108
1823	
Царское Село	109
Ночь	110
«Надеждой сладостной младенчески дыша...»	110
Демон	111
«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	111
1824	
«Зачем ты послан был, и кто тебя послал?..»	113
На гр. М. С. Воронцова	114
Разговор книгопродавца с поэтом	114
К морю	121
«Ночной зефир струит эфир...»	123
1825	
П. А. Осиповой	124
«Храни меня, мой талисман...»	124
К А. П. Керн («Я помню чудное мгновенье...»)	125
«Если жизнь тебя обманет...»	126
Вакхическая песня	126
19 октября	127

СОДЕРЖАНИЕ

Зимний вечер	132
«В крови горит огонь желанья...»	133
1826	
Признание	134
Пророк	135
Няне	136
«Как счастлив я, когда могу покинуть...»	137
И. И. Пущину	138
Стансы («В надежде славы и добра...»)	138
Зимняя дорога	139
1827	
«Во глубине сибирских руд...»	140
Ангел	140
Поэт	141
«Блажен в златом кругу вельмож...»	142
19 октября 1827	142
1828	
Друзьям («Нет, я не льстец, когда царю...»)	143
Ты и вы	144
«Дар напрасный, дар случайный...»	144
«Не пой, красавица, при мне...»	145
Предчувствие	145
Анчар	146
Поэт и толпа	148
«Каков я прежде был, таков и ныне я...»	150

СОДЕРЖАНИЕ

1829

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	151
Зимнее утро	151
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	152
Воспоминания в Царском Селе	152
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»	154
Кавказ	155
К бюсту завоевателя	156

1830

«Что в имени тебе моем?»	157
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»	157
Поэту	158
Мадонна	158
Бесы	159
Элегия	161
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» ..	161
К переводу Илиады	162
«Я здесь, Инезилья...»	162
Герой	163
«Для берегов отчизны дальной...»	166
Из Barry Cornwall («Пью за здравие Мери...»)	167
Моя родословная	167
Post scriptum	169

1831

Клеветникам России	171
Бородинская годовщина	172

СОДЕРЖАНИЕ

«Чем чаще празднует лицей...»	175
Мальчику (<i>Из Каталла</i>)	177
1832	
В альбом А. О. Смирновой	178
Красавица	178
«Бог веселый винограда...»	179
1833	
Осень (<i>отрывок</i>)	180
1834	
«Пора, мой друг, пора...»	184
1835	
«...Вновь я посетил...»	185
«Я думал, сердце позабыло...»	187
Пир Петра Первого	187
1836	
Мирская власть	189
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	190
«Была пора: наш праздник молодой...»	190

СКАЗКИ

Сказка о попе и работнике его Балде	195
Сказка о царе Салтане	201
Сказка о рыбаке и рыбке	233
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	240
Сказка о золотом петушке	258

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Руслан и Людмила	267
Кавказский пленник	356
Бахчисарайский фонтан	384
Цыганы	404
Граф Нулин	428
Полтава	441
Домик в Коломне	496
Медный всадник	510
<i>И. Сурат. Событие стиха</i>	<i>527</i>

ПУТЬ ПУШКИНА

Сказать о Пушкине, что он первый среди русских писателей, — значит не сказать ничего. Сразу заняв центральное место на русском Парнасе, он уже для современников приобрел значение национального символа — и до сих пор не уступил это единственное место никому. Он стал не только «солнцем нашей поэзии» (В. Ф. Одоевский), но и «солнечным центром нашей истории» (И. А. Ильин), фокусом национального сознания. Объяснить и понять это тем более трудно, что Пушкин был только художником, он, по словам Гоголя, «дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт», «что такое в существе своем поэт». И во всем и до конца жизни оставаясь поэтом, он именно в этом качестве далеко вышел за рамки литературы, и саму литературу далеко вывел за ее рамки, закрепив надолго царственный статус слова в русской культуре.

Не секрет, что за пределами России Пушкина по-настоящему не признают и в общем не понимают. При переводе, даже самом тонком и точном, на другие языки он слишком многое теряет — уходит особая пушкинская глубина слова и стиха, с мерцанием бесконечных смыслов и перекатами интонационных волн. Что не переводится — это и есть Пушкин. Все дело в том, что Пушкин — это прежде всего явление русского языка, с которым непонятно: то ли Пушкин его формировал, то ли он

дал нам Пушкина, это апофеоз русского языка, а вместе с ним и того национального склада, который в языке заключен. Россия нашла себя в Пушкине, и вспышка его гения совпала с золотым веком ее культурного развития.

При этом Пушкин — первый европеец в русской литературе. Не в смысле влияний, которые он перерастал мгновенно, а в смысле поразительной свободы, с которой он вошел в единое пространство мировой литературы, где чувствовал себя как дома. Никогда не быв за границей, он в творчестве стал подлинным гражданином мира, легко осваивая языки различных национальных культур и эпох — осваивая их в русском слове, он и русскую литературу выводил на мировую дорогу.

Шекспироведы уже полтора века спорят о том, кто, собственно, написал пьесы Шекспира, был ли их автором скромный актер родом из Стрэтфорда, или мы имеем дело с великой мистификацией. О Пушкине такой спор невозможен, и не только потому, что он к нам ближе и жизнь его документирована несравнимо лучше. Главное, потому, что он предстает нам как живая личность, не отделимая от сочинений, в которых эта личность выразилась со всей полнотой. И этот близкий нам человек прошел за свои 37 лет головокружительный путь и оставил уникальный опыт, который можно воспринять, изучая в единстве жизнь и слово Пушкина.

Александр Пушкин родился 26 мая 1799 года в Москве в семье Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Пушкиной, урожденной Ганнибал. Свой род он вел от прусского выходца Радши, попавшего в Россию во времена Александра Невского — от него пошли ветви знатных дворянских фамилий, среди которых были и Пушкины, сыгравшие заметную роль в русской истории.

С другой стороны были Ганнибалы, происходившие от сына абиссинского князя, вывезенного мальчиком из Африки; воспитанник и любимец Петра I, он вошел в силу при Елизавете, а дети его породнились с древними русскими родами. Пушкин всегда чувствовал за собой это родовой многовековой шлейф и оглядывался на него, считая «уважение к мертвым прадедам» основой личного достоинства дворянина.

Семья Пушкиных была не чужда литературным интересам. В доме бывали В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин (малолетний Александр, по воспоминаниям отца, «вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз»), дядя Василий Львович был известным поэтом — все это с детства вовлекло Пушкина в мир современной словесности, но подлинное его рождение как поэта произошло в Царском-Сельском Лицее, куда он был определен в 1811 году и где провел в кругу близких, любимых друзей шесть лет, которые впоследствии вспоминались и воспринимались как самые счастливые в жизни.

Юный Пушкин воспитывался «среди святых воспоминаний», военных памятников Царского Села, в непосредственной близости ко двору — и чувствовал себя в эпицентре всей европейской истории: «Чему, чему свидетели мы были! / Игралища таинственной игры, / Метались смущенные народы; / И высились и падали цари...» Его историческое и патриотическое сознание сформировалось как будто враз, в те дни, когда мимо лицейских стен «текла за ратью рать» — на войну с Наполеоном. В 15 лет в Царском-Сельском парке он вспоминает звонкими стихами века русской славы, данной ему здесь в наследство. Эти стихи — «Воспоминания в Царском Селе», — прочитанные 8 января 1815 года на лицейском экзамене в присутствии восхищенного Державина, сделали его знаменитым.

Там же, в Лицее, при всей неровности того образования, Пушкину открылась не только история, но и вся европейская культура, хоть и усвоенная зачастую по вторичным источникам. «Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал», — вспоминал он о лицейском времени в «Евгении Онегине». Но мы-то знаем, что читал, — и не только Цицерона, но и Канта, и Сенеку с Тацитом («Под стол ученых дураков!» — сказано о них в лицейском стихотворении «Пирующие студенты»), не говоря уж о художественной литературе, древней и новой. Именно в Лицее, благодаря его гуманитарной ориентации и некоторым европейски образованным профессорам (А. П. Куницын, А. И. Галич), этот мир мировой культуры открылся перед ним, лег к его ногам.

Пушкина родила молодая Россия, только что победившая Наполеона, — бодрая страна, уже не только прорубившая окно, но и распахнувшая дверь в Европу, страна, в которой кипела энергия преобразований, давшая реформатора М. М. Сперанского, а потом декабристов. На этой энергической волне возрастал и Пушкин, увлекшийся после Лицея политикой и ловивший новые социальные идеи. Но он был прежде всего поэт, и под его пером эти различные идеи, иногда противоречившие друг другу, получали такую публичную поэтическую силу, о какой могли только мечтать породившие эти идеи радикальные умы.

За это он и угодил в ссылку — в мае 1820 года был переведен по министерству иностранных дел, в котором формально числился на службе, в Кишинев, в канцелярию генерала И. Н. Инзова. Это было его первое большое путешествие по Российской империи, по Кавказу и Крыму, давшее целую гроздь так называемых «южных поэм» — «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». С Юга же начина-

ется и полноводная пушкинская лирика со всем ее тематическим разнообразием, отражающим разнообразие и широту его стремительно развивающейся личности. Он по-прежнему увлечен освободительными идеями, в особое возбуждение его приводит греческое восстание против турецкого владычества, и он мечтает, вырвавшись из ссылки, участвовать в этой революции и, может быть, погибнуть, как погиб впоследствии Байрон, за свободу греков. Жизнь он ведет не ссылочную, бурную, с любовными увлечениями, дуэлями, побегам в цыганский табор, поездками по Бессарабии, в Одессу и к декабристам в Каменку. Тем временем слава его растет — после выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» (1820), вызвавшей бурю споров, от него ждали новых свершений, и дождались: в начале сентября 1822 года выходит из печати «Кавказский пленник» — поэма, которую Пушкин больше года не решался выдать публике, будучи не вполне ею доволен. В. П. Горчакову в ответ на его замечания он писал осенью 1822 года: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гоюсь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века».

Описанный здесь Пушкиным условный байронический комплекс был воспринят им еще в лицейские годы и тогда же дал свои плоды в лирике, но не затронул основ его душевной жизни. И вдруг теперь, среди кишиневского рассеяния, а затем и позже, в 1823 году в Одессе, из-под пера его выходят стихи, в которых уже без всякой литературности и условности выражено действительное, не выдуманное, глубокое, тотальное разочарование во всем, что прежде составляло основу существования: «Разоблачив пленительный кумир, / Я вижу призрак

безобразный...» Пушкин как будто на лету преткнулся о грозные вопросы об истинной ценности жизни и о ее границах – простираются ли они за границы земного, или там, за гробом, ждет человека «ничтожество», небытие: «Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! / Мне страшно!...» Тут же следует и разочарование в освободительных идеях, вести о поражении революционных движений в Европе вызывают лишь усталый скепсис: «В порабощенные бразды / Бросал живительное семя – / Но потерял я только время, / Благие мысли и труды...» От бурнокипящей внешней жизни, в которую он так был вовлечен и которая разом померкла для него, он впервые всерьез обратился к экзистенциальным проблемам, остановился перед ними.

В Одессе, куда Пушкин переехал в середине 1823 года, он переживает сильное увлечение женой бессарабского наместника Елизаветой Воронцовой. След этой любви на несколько лет останется в пушкинской лирике, а следствием ее станет конфликт с мужем, который, пользуясь поводом, добивается в июле 1824 года удаления соперника из Одессы. В Одессе же в мае 1823 года Пушкин начинает главное свое произведение – лирический роман «Евгений Онегин», роман, который будет сопровождать его больше семи лет и вместе с ним развиваться, роман непривычной для русского читателя формы, но с такими узнаваемыми героями, которых социологическая критика окрестила потом «типическими характерами в типических обстоятельствах», которые и были такими «типическими характерами» и при этом отражали разные стороны и фазисы душевного развития автора. Этот свободный, живой, текучий, подвижный роман вместил в себя так много, что, кажется, предсказал весь дальнейший ход русской жизни. Но для самого Пушкина это был прежде всего роман его души и его путь к человеческой зрелости.

Первые две главы «Онегина» пишутся в Одессе, здесь же начата и третья, завершенная уже в Михайловском, в уединении фамильной усадьбы, где Пушкину суждено было провести безвылазно два с лишним долгих года. За это время, помимо лирики, написаны «Цыганы», начатые в Одессе, «Подражания Корану», «Граф Нулин», четвертая глава «Онегина», «Борис Годунов» — но дело не в количестве сочинений, были у Пушкина периоды и более плодоносные. Вынужденное уединение, которым он с непривычки очень тяготился, оказалось для него не просто благотворным, но и спасительным. Через десять лет приехав в Михайловское и вспоминая годы ссылки, именно так он осмыслил свое тогдашнее затворничество: «...Я еще / Был молод, но уже судьба и страсти / Меня борьбой неравной истомили <...> Но здесь меня таинственным щитом / Святое Провиденье осенило, / Поэзия, как ангел утешитель, / Спасла меня, и я воскрес душой». В этих строках, не вошедших по своей интимности в беловую редакцию стихотворения «Вновь я посетил...» (1835), сформулирован может быть главный итог михайловского сидения — непосредственное ощущение Провидения, связанного с поэтическим даром.

Пушкин вел в Михайловском насыщенную и сложную жизнь. На поверхности было томление одиночеством, планы побега за границу, увлечения соседскими барышнями — а на глубине шла грандиозная работа, духовная и творческая. Он как никогда много читал: Библию и Шекспира, Четьи Минеи и Вальтер Скотта, и в особенности историков — древних и современных. Углубленные занятия историей, которые Пушкин не оставлял до конца своих дней, начались именно здесь, в Михайловском, — их результаты сказались прежде всего в трагедии «Борис Годунов», в которой верховная

власть держится закономерным ходом событий, «силою вещей», а волюнтаристское ее присвоение не находит исторических и нравственных оправданий. Стремление проникнуть в механизмы истории постепенно приводит Пушкина к историческому провиденциализму, на фоне которого попытки насильственно сменить форму правления выглядят по меньшей мере исторически безответственно. Это был важный мировоззренческий прорыв, и он напрямую коснулся его личного самосознания. В Михайловском Пушкин, молодой еще человек, ощущает потребность осмыслить прожитые годы: он систематически работает над своими воспоминаниями и доводит эту работу до белой рукописи. Записки эти, бывшие едва ли не главным михайловским делом, сожжены им в горячую минуту — но душевный труд, на них затраченный, не пропал втуне: с Михайловского созревало и все больше укреплялось в нем ощущение, что в поворотах судьбы есть высший, хоть и не всегда доступный разумению смысл и что для него лично смысл этот связан с творчеством.

Михайловское — центральная точка пушкинского пути. Здесь он углубился в себя, окончательно сделал свой выбор и осознал единственность назначенного ему жребия (этим объясняется, в частности, его решение не ехать в Петербург накануне декабрьского восстания). Здесь он подошел к расцвету своих творческих возможностей и в разгар работы над «Борисом Годуновым» признался в письме Н. Н. Раевскому: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».

Пушкину дана была судьбою драматичная биография: ранний взлет и опала, шестилетняя ссылка, потери близких друзей, сближение с царем, падение популярности, гибель на дуэли. Но этот внешний драматизм не идет ни в какое сравнение с коллизиями его внутреннего разви-

тия, с масштабом пережитых им внутренних событий. Главное событие михайловского периода символизировано в сюжете и образах «Пророка» — грандиозного стихотворения о поэзии как высшем служении и «тайном подвиге сердца» (Вл. Соловьев), о принятии смертного страдания ради права на «глагол», о полном перерождении поэта в горниле этого страдания, о силе богодухновенного слова, жгущего сердца.

Потрясенный известиями о петербургском восстании, а затем о приговоре декабристам, Пушкин старается «взглянуть на трагедию взглядом Шекспира». При этом он рвется в столицы и, надеясь на милость нового царя, пишет прошение на высочайшее имя об освобождении из ссылки. Прощение не остается без внимания — в ночь с 3 на 4 сентября 1826 года к нему является курьер с повелением немедленно проследовать в Москву.

8 сентября 1826 года Пушкин в сопровождении фельдъегеря въехал в столицу и прямо в дорожной одежде был препровожден в Кремль. Здесь его ждал император. Разговор с Николаем I, о содержании которого можно судить лишь по косвенным источникам, стал поворотным пунктом в общественном положении Пушкина. В результате этой беседы он приблизился к власти, и ему показалось, что теперь он сможет оказывать на нее благотворное влияние. В дальнейшем это сближение обернулось тяжелой зависимостью от двора и во многом определило его жизнь в последние годы.

Литературная Москва встретила поэта как героя. Он упивался общением с друзьями, читал в гостиных новые произведения, знакомился с молодыми литераторами, налаживал сотрудничество с журналами. К этому периоду относится ряд мемуаров о Пушкине, написанных людьми, впервые тогда вступившими с ним в общение. Каким виделся Пушкин окружающим? Выразительная

внешность, блестяще умный и одушевленный разговор, простодушный смех, частая угрюмость или тихая грусть... Но цельной и глубокой характеристики его мы не находим в этих мемуарах, как не находим ее и в воспоминаниях близких друзей. Личность Пушкина остается неуловимой, образ его ускользает от описания и современников, и поздних биографов. Может быть, это и есть главная пушкинская тайна, и путь к ней лежит только через творчество.

Вскоре положение Пушкина осложнилось. Не все одобряли его новую позицию по отношению к власти. Стихотворение «Стансы» (1826), обращенное к императору, встретило даже у друзей осуждение и обвинения в лести, так что ему пришлось объясняться: «Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю...» А с другой стороны, власть не могла до конца увериться в пушкинской лояльности: в 1827–1828 годах следует серия унижительных и опасных разбирательств – по поводу распространения не пропущенного цензурой отрывка из стихотворения «Андрей Шенье» (1825), а затем по поводу поэмы «Гавриилиада» (1821), в авторстве которой Пушкин в конце концов признался лично императору. Конечно, все это Пушкина тревожило: «Снова тучи надо мною / Собралися в тишине; / Рок завистливый бедою / Угрожает снова мне...» Но не эти «тучи» омрачили по-настоящему его душевный небосклон.

Рассеяние московского, а позже и петербургского света составляло разительный контраст с набранной им в Михайловском глубиной личного бытия. Пушкин осознавал эту раздвоенность, об этом – знаменитое стихотворение «Поэт» (1827), в двух частях которого контрастно противопоставлены два плана существования поэта: житейский и творческий. В 1828–1829 годах душевная жизнь Пушкина вновь драматизируется до предельной

остроты, до такого внутреннего разлада, при котором сама жизнь воспринимается в какие-то минуты как «дар напрасный, дар случайный». Оглядываясь назад, он жестко оценивает пройденный путь: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная...» Корни этого кризиса уходят в глубинные сферы его внутренней жизни, обостряется смутная тоска по идеалу — образное воплощение она нашла, в частности, в одном из стихотворений так называемого «кавказского цикла», родившегося во время путешествия в Арзрум 1829 года: «Далекий, вожделенный брег! / Туда б, сказав прости ущелью, / Подняться к вольной вышине! / Туда б, в заоблачную келью, / В соседство Бога скрыться мне!..» Картина монастыря на Казбеке претворена здесь в метафору душевной жизни, в вожделенный, но, кажется, недостижимый идеал личного существования.

Пушкин искал новых жизненных путей: он задумал жениться. Выбор пал на юную московскую красавицу Наталью Гончарову. К красоте, в том числе и женской, Пушкин относился как художник — воспринимал ее как святыню («Благоговея богомольно / Перед святыней красоты»), как воплощение идеала, как форму Божественного присутствия. Так он и воспринял облик своей будущей жены, поразивший его с первой встречи, и в его сознании эта встреча связалась с надеждой обновления жизни.

С этой надеждой Пушкин в конце августа 1830 года отправляется по хозяйственным делам в деревню Болдино, нижегородское имение отца, — и застревает там из-за холерной эпидемии на три долгих месяца. Эти месяцы вынужденного затворничества стали для Пушкина периодом беспрецедентной творческой активности. Как художник и как личность он достиг зрелости — пришла пора собирать камни. В Болдине, в состоянии душевной

смуты, в тревогах о невесте и о будущей свадьбе, между безуспешными попытками прорваться через карантин в столицу Пушкин завершает многое из того, над чем думал и начинал работать раньше. Уже вернувшись в Москву, он писал своему издателю и другу П. А. Плетневу: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы “Онегина”, 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Анопуме. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: “Скупой рыцарь”, “Моцарт и Сальери”, “Пир во время чумы” и “Дон Жуан”. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Анопуме». Пушкин не все в этом отчете перечислил: еще он привез «Историю села Горюхина», «Сказку о попе и о работнике его Балде» и блок статей, или нехудожественной прозы, — сгустки глубоких, сильных мыслей о литературе, об истории, российской и мировой. Кажется, что все это написано на одном дыхании, — на самом же деле этот мощный скачок был подготовлен всем его предшествующим развитием. Свой внутренний кризис он изжил невероятным душевным усилием, творческим трудом самого высокого напряжения.

Болдинское творчество поражает разнообразием и масштабом. Цикл «маленьких трагедий» — монументальная фреска, исследующая поведение человека в разные эпохи в разных критических обстоятельствах. «Повести Белкина» — первая законченная проза, по видимости бесхитростная, но с чрезвычайно сложной повествовательной системой, в которой спрятано как в коконе ее проблемное зерно. «Домик в Коломне» — шутливая поэма

с почти неуловимой идейной подкладкой. И подлинные шедевры пушкинской лирики — любовной, философской, антологической... Окончание работы над «Евгением Онегиным» знаменовало завершение некоего жизненного круга и выход на новый путь. Прощаясь с любимым романом, с его героями, Пушкин прощался и со своим прошлым. В Болдине он ощущал себя на перепутье, в той точке, где кончается прошлое и начинается будущее: позади «безумных лет угасшее веселье» и «печаль минувших дней», впереди — «грядущего волнуемое море».

Из Болдина он выехал другим человеком, как будто вернувшимся к самому себе. На женитьбу свою он смотрел уже трезво-прозаически: «В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться... Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты». Он решил для себя пойти теперь общими путями — путями, на которых, как он считал, люди находят счастье. Впервые в биографии Пушкина мы видим такой поворот — жить как люди («До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут»), и это решение стало переломным в его судьбе.

Не только личная жизнь Пушкина в это время изменилась — изменилось и его положение в литературе. Он уходил все дальше от вкусов читающей публики и не встречал у нее такого горячего отклика, как прежде. Разговоры о закате его таланта стали общим местом в журналистике 1830-х годов. Все чаще Пушкин оставляет написанное в столе — почти вся его лирика последних лет была опубликована только после смерти. При этом он активно участвует в журнальных схватках, отстаивая свои эстетические и общественные принципы и стараясь через издаваемую им вместе с А. А. Дельвигом «Лите-

ратурную газету» воздействовать на литературный процесс.

Не менее бурно он реагирует на политические события, главным из которых стало тогда для России польское восстание 1830–1831 годов. Пушкин был державником — неделимость империи казалась ему залогом ее процветания и мощи. Его патриотические стихи по поводу польского восстания («Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», 1831) были восприняты с недоумением в либеральных кругах. Пушкин все острее чувствовал свое одиночество среди современников.

В июле 1831 года он просит царя разрешить ему «заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках» с дальней целью написать историю Петра Великого. Разрешение было получено — и с этого момента Пушкин становится официальным историографом, заняв по должности место Н. М. Карамзина. Большие исторические замыслы отныне поглощают его время и внимание, и ради их осуществления он жертвует многим, в том числе и личной независимостью. Профессиональные занятия историей, конечно, не были для Пушкина случайностью. В них сошлись его внутренние творческие потребности как поэта и мыслителя со стремлением формировать общественное сознание современников и влиять на власть.

В последнем отношении особенно важна пушкинская поэма «Анджело» (1833) — критики, и в частности В. Г. Белинский, оценили ее низко, сам же Пушкин говорил, что ничего лучше он не написал. В «Анджело», как и в «Капитанской дочке» (1836), он художественно воплотил свою концепцию гуманной власти, сочетающей закон с милосердием. В финальных, перекликающихся

между собой сценах поэмы и романа очевидны черты утопии.

С работой Пушкина над историей Петра связана его последняя поэма «Медный всадник» (1833); ее центральная тема — стихия истории и личная судьба, государство и частная жизнь человека. Художественная формула этого столкновения найдена Пушкиным в грандиозном по своей поэтической силе образе петербургского наводнения, смывающего судьбы маленьких героев поэмы.

Истории Петра Пушкин не закончил. Его «История Пугачева», напечатанная в 1834 году, не имела успеха у читателей, тираж ее остался не раскупленным. Становилось все яснее, что выбор, сделанный Пушкиным, не оправдывается. Обращение к историческим трудам означало для него выход на активное общественное поприще — он намеревался таким путем помочь современникам осмыслить настоящее и будущее России в перспективе ее многовековой истории. Но его голос не был услышан.

С 1834 года осложняется и личная жизнь Пушкина. Он получает унижительное для него придворное звание камер-юнкера, которому должен теперь соответствовать — посещать официальные мероприятия и балы. С этого момента его отношения с властью все больше обостряются: серия цензурных преследований, организованных ярым врагом Пушкина министром просвещения С. С. Уваровым, перлюстрация семейной переписки, беспросветная денежная зависимость от казны — все эти обстоятельства отравляют его существование. Но главные проблемы, мучившие Пушкина, лежали в другой плоскости. С весны 1835 года в его лирике появляются и все нарастают новые мотивы, связанные с предчувствием близкой смерти; сгущаясь, они выстраиваются постепенно в единый сюжет, исполненный

драматизма и неумолимо идущий к развязке. Герои его лирики этого года — Родрик, Странник — ввиду близкой смерти резко меняют жизнь, чтобы успеть подготовиться к концу. То же хочет сделать и Пушкин — он предпринимает попытки уйти в отставку, переехать с семьей в деревню; «...поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические — семья, любовь, etc. — религия, смерть» — так ему видится эта новая углубленная жизнь, в которой он ощущает уже самую острую потребность. Но реализовать этот идеал оказалось невозможно — две попытки уйти в отставку встретили раздражение императора, а желание уехать в деревню натолкнулось на решительное сопротивление жены.

В 1836 году терпит неудачу его последний общественный проект — издание журнала «Современник», который Пушкин задумал как собрание «статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности». К журналу были привлечены лучшие силы: здесь печатались произведения самого Пушкина, а также Гоголя, Тютчева, Жуковского, Вяземского, Баратынского, Языкова, Дениса Давыдова, А. И. Тургенева, — однако в конкуренции с массовой литературой «Современник» проиграл; число его подписчиков было столь незначительно, что не могло обеспечить издания. Пушкин ориентировался на свой вкус и мыслил по нему формировать вкусы общества, но, как видно, и здесь опередил свое время.

Летом 1836 года, живя с семьей на даче на Каменном Острове, Пушкин написал свой последний лирический цикл, в котором преобладают христианские мотивы. Этот цикл воспринимается как итог его духовного пути — кажется, что после этих стихов уже ничего не могло быть им написано. Стихи эти очень разные, но итог

они подводят один — что только внутреннее дело имеет смысл, для поэта — только его личное творческое дело. И предсмертная тревога о судьбе души находит здесь разрешение: поэт спасается от тления необщим путем — душа его неотделима от лиры и именно в лире переживет его прах («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

Обстоятельства ухода Пушкина из жизни (29 января 1837 года) хорошо известны: легкомыслие красавицы жены, козни голландского посланника и его приемного сына, дуэль — все это многократно описано и досконально изучено, но к этому не может сводиться проблема гибели Пушкина. Анализ этих известных обстоятельств оставляет ощущение их несоизмеримости с происшедшим. Все это — только внешняя сторона жизненного круга, событийная оболочка великой трагедии великого художника, имеющей, помимо ситуативных причин, свою глубинную логику и свою провиденциальную телеологию. Гений в расцвете сил и таланта — неужели он ушел потому, что оказался в зависимости от двора, а жена его кокетничала с кавалергардом? Гибель Пушкина — закономерный итог его пути; на Черную речку его привела логика внутреннего развития, логика судьбы. Невыносимость жизни Пушкина в последние годы определяется не самими обстоятельствами, о которых так много написано, а разительным несоответствием этих обстоятельств его новым духовным устремлениям. Этот контраст — исходная точка дуэли. Пушкин во многом сам определил течение преддуэльных событий — им двигала острая потребность расчистить свой жизненный горизонт, освободиться для новой жизни. В основе его поведения было, говоря словами Г. Федотова, «чаяние последнего освобождения».

После смерти Пушкина Гоголь сказал: «Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой». Какой другой? Если вы-

ход на новый виток жизни был связан с новым для Пушкина христианским сознанием, то что он стал бы с этим делать как поэт? До сих пор его в жизни и творчестве вел только дар — как это могло быть согласовано с глубоким принятием христианства? На эти вопросы нет ответа, но они неумолимо возникают в связи с его гибелью.

Помимо того, что написано им на бумаге, помимо удивительного опыта жизни, прожитой ярко и сильно, Пушкин оставил нам и опыт смерти, поразившей всех, кто при ней тогда присутствовал. В последние пушкинские дни и часы его друзья и врачи стали свидетелями героического переживания смерти как великого таинства. Пушкин умер «полной смертью» (Мандельштам) — такая смерть дается не каждому, она говорит о многом и прежде всего — о цене пушкинского слова.

Ирина Сурат

СТИХОТВОРЕНИЯ

К НАТАЛЬЕ

Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût¹.

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!

¹ Почему мне бояться сказать это?
Марго пленила мой вкус.

Миловидной жрицы Тальи
Видал прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтаньи,
Вижу, в легком одеяньи
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею..
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Ипускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Всё к чему-то ум стремится..
А к чему? — никто из нас

Дамам вслух того не скажет,
 А уж так и сяк размажет.
 Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
 И того, чего не знают;
 Это свойство их — дивлюсь!
 Завернувшись балахоном,
 С хватской шапкой набекрень
 Я желал бы Филимоном
 Под вечер, как всюду тень,
 Взяв Анюты нежну руку,
 Изъяснять любовну муку,
 Говорить: она моя!
 Я желал бы, чтоб Назорой
 Ты старалась меня
 Удержать умильным взором.
 Иль седым Опекуном
 Легкой, миленькой Розины,
 Старым пасынком судьбины,
 В епанче и с париком,
 Дерзкой пламенной рукою
 Белоснежну полну грудь...
 Я желал бы... да ногою
 Моря не перешагнуть,
 И, хоть по уши влюбленный,
 Но с тобою разлученный,
 Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
 Кто твой нежный Селадон,
 Ты еще не понимаешь,
 Отчего не смеет он

И надеяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я сераля,
Не арап, не турок я.
За учтвого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с сигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный? —
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

КАЗАК

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис, —
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,

И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Деввица-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!» —
«Ночь красавицам опасна». —
«Радость! не страшись!»

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;

Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

Князю А. М. Горчакову

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести стрóf;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,
Как древле невшкому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там — когда стигийский брег
Мелькнет в туманном отдаленьи,
Дай бог, чтоб в страстном упоеньи
Ты с томной сладостью в очах
Из рук молодого Купидона
Вступая в мрачный челн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

ОПЫТНОСТЬ

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит,
Пусть не смеяся, не резвись,

С строгой мудростью дружись;
 Но с рассудком вновь заспиришь,
 Хоть не рад, но дверь отворишь,
 Как проказливый Эрот
 Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
 Истину сих правых слов.
 «Добрый путь! прости, любовь!
 За богинею слепую,
 Не за Хлоей, полечу,
 Счастье, счастье ухвачу!» —
 Мнил я в гордости безумной.
 Вдруг услышал хохот шумный,
 Оглянулся... и Эрот
 Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
 С богом сим в размолвке жить,
 И покамест жизни нить
 Старой Паркой там прядется,
 Пусть владеет мною он!
 Веселиться — мой закон.
 Смерть откроет гроб ужасный,
 Потемнеют взоры ясны,
 И не стукнется Эрот
 У могильных уж ворот!

К НАТАШЕ

Вянет, вянет лето красно;
 Улетают ясны дни;
 Стелется туман ненастный
 Бора в дремлющей тени;

Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней — позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

Друзья! досужный час настал;
Всё тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;

Под стол ученых дураков!
 Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
 За скатертью студента?
 На всякий случай изберем
 Скорее президента.
 В награду пьяным — он нальет
 И пунш и грог душистый,
 А вам, спартанцы, поднесет
 Воды в стакане чистой!
 Апостол неги и прохлад,
 Мой добрый Галич, vale!¹
 Ты Эпикуров младший брат,
 Душа твоя в бокале.
 Главу венками убери,
 Будь нашим президентом,
 И станут самые цари
 Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
 Проснись, ленивец сонный!
 Ты не под кафедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.
 Взгляни, здесь круг твоих друзей;
 Бутыль вином налита,
 За здравье нашей музыки пей,
 Парнасский волокита.
 Остряк любезный, по рукам!
 Полней бокал досуга!
 И вылей сотню эпиграмм
 На недруга и друга.

¹ Будь здоров!

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок, Бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задухивный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здравие Платова,

СТИХОТВОРЕНИЯ

В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?.. я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Лицинию

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
 Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
 Спесиво развалясь, Ветулий молодой
 В толпу народную летит по мостовой?
 Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
 Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
 Лъстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
 Умильно вслед за ним стремится усердный взгляд;
 Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
 Как будто дивного богов благословенья,
 И дети малые и старцы в седилах,
 Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
 Для них и след колес, в грязи напечатленный,
 Есть некий памятник почетный и священный.

О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
 Кто вас поработил и властью оковал?
 Квириты гордые под иго преклонились.
 Кому ж, о небеса, кому поработились?
 (Скажу ль?) Ветулию! Отчизне стыд моей,
 Развратный юноша воссел в совет мужей;
 Любимец деспота сенатом слабым правит,
 На Рим простер ярем, отечество бесславит;
 Ветулий римлян царь! О стыд, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с поникшею главою,
 В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
 «Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!» —
 «Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
 Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».

Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
 Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
 Седого циника примером научиться?
 С развратным городом не лучше ль нам проститься,
 Где всё продажное: законы, правота,
 И консул, и трибун, и честь, и красота?
 Пускай Глицерия, красавица младая,
 Равно всем общая, как чаша круговая,
 Неопытность других в наемну ловит сеть!
 Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
 Тщеславной юности оставим блеск веселий:
 Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож Корнелий
 Торгуют подлостью и с дерзостным челом
 От знатных к богачам ползут из дома в дом!
 Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
 Во мне не дремлет дух великого народа.
 Лициний, поспешим далеко от забот,
 Безумных мудрецов, обманчивых красот!
 Завистливой судьбы в душе презрев удары,
 В деревню пренесем отеческие лары!
 В прохладе древних рощ, на берегу морском,
 Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
 Где, больше не страшась народного волнения,
 Под старость отдохнем в глуши уединенья,
 И там, расположась в уютном уголке,
 При дубе пламенном, возженном в камельке,

Вспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказания.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

СТАРИК

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;

Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.

В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напелясь под рулями,
Меня помчит покорная волна
И спящих вод прервется тишина?..
Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,

Ни гладный зверь не вззоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн..

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоняя;
Дымились громы вокруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?..
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..
Полночи царь молодой! ты двигнул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.
И тихо всё кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимают жадный слух;
Умолк сражений клик знакомый,

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай, твой бич восстал — и всё падет во прах,
Всё сгинет, — и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал, —
Восточная звезда играла в океане,
И зрелась ладья, бегущая в тумане
Под сводом эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Всё смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

ДРУЗЬЯМ

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...

Прости навек, очарованье,
 Отрада жизни и любви!
 Приблизьтесь, о друзья мои,
 Благоговенье и вниманье! —
 Певец решился умереть.
 Итак, с вечернею луною,
 В саду нельзя ли дерн одеть
 Узорной белой пеленою?
 На темный берег сонных вод,
 Где мы вели беседы наши,
 Нельзя ль, устроя длинный ход,
 Нести наполненные чаши?
 Зовите на последний пир
 Спесивой Семелеи сына,
 Эрота, друга наших лир,
 Богов и смертных властелина.
 Пускай веселье прибежит,
 Махая резвою гремушкой,
 И нас от сердца рассмешит
 За полной пенистою кружкой.
 Пускай игривою толпой
 Слетят родные наши музы;
 Им первый кубок круговой,
 Друзья! священны нам их узы;
 До ранней утренней звезды,
 До тихого лучей рассвета
 Не выйдут из руки поэта
 Фиалы братской череды;
 В последний раз мою цевницу,
 Мечтаний сладостных певицу,
 Прижму к восторженной груди.
 В последний раз, томимый нежно,
 Не вспомню вечность и друзей;

В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона,
Он был учителем моим,
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку; до свиданья!
И дайте, дайте обещаье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещаье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру,
Да будут музы над тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветренный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..

На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...

Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
*«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».*

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Здесь Пушкин погребен; он с Музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ ПАРИЖА В 1815 ГОДУ

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою.
Бежит... и мести гром слетел ему вослед;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
 Когда полки врагов покрыли отдаленье,
 Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
 Колена преклонив пред вышним алтарем,
 Ты браней меч извлек и клятву дал святую
 От ига оградить страну свою родную.
 Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
 В восторге пламенном летели вслед отца
 И смертью роковой горели и дрожали;
 И россы пред врагом твердыней грозной стали!..

«К мечам!» — раздался клик, и вихрем понеслись;
 Знамена, восшумев, по ветру развились;
 Обнялся с братом брат; и милым дали руку
 Младые ратники на грустную разлуку;
 Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
 И смерть хватала их холодною рукой!..
 А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
 Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
 Увы! мне не судил таинственный предел
 Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
 Сыны Бородина, о кульмские герои!
 Я видел, как на брань летели ваши строи;
 Душой восторженной за братьями спешил.
 Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
 Почто, сжимая меч младенческой рукою,
 Покрытый ранами, не пал я пред тобою
 И славы под крылом наутре не почил?
 Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
 Когда на сильного с сынами устремился,
 И, челы приподняв из мрачности гробов,
 Народы, падшие под бременем оков,

Тяжелой цепию с восторгом потрясали
 И с робкой радостью друг друга вопрошали:
 «Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
 Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
 И ветхую главу Европа преклонила,
 Царя-спасителя колена окружила
 Освобожденную от рабских уз рукой,
 И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
 И край полуночи восторгом озарился!
 Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
 Все лица радостью, любовью блещут,
 Внемли — повсюду весть отрадная несется,
 Повсюду гордый клик веселья раздается;
 По стогнам шум, везде сияет торжество,
 И ты среди толпы, России божество!
 Встречать вождя побед летят твои дружины.
 Старик, счастливый век забыв Екатерины,
 Взирает на тебя с безмолвною слезой.
 Ты наш, о русский царь! оставь же шлем стальной,
 И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;
 Излей пред Янусом священну мира чашу
 И, брани сокрушив могущею рукой,
 Вселенну осени желанной тишиной!..
 И придут времена спокойствия златые,
 Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
 В колчанах скрытые, забудут свой полет;
 Счастливый селянин, не зная бурных бед,
 По нивам повлечет плуг, миром изошренный;
 Суда летучие, торговлей окриленны,
 Кормами рассекут свободный океан,
 И юные сыны воинственных славян
 Спокойной праздности с досадой предадутся,

И молча некогда вокруг старца соберутся,
 Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
 И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
 На прахе начертит он медленно пред ними,
 Словами истины, свободными, простыми,
 Им славу прошлых лет в рассказах оживит
 И доброго царя в слезах благословит.

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
 С гусаром я сидел
 И молча с мрачною душою
 На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
 Мой храбрый спросил. —
 Еще по ней ты, слава богу,
 Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
 Я скоро прошептал:
 «Гусар! уж нет *ее* со мною!..» —
 Вздохнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
 И канула в бокал.
 «Дитя, ты плачешь о девице,
 Стыдись!» — и замолчал.

«Оставь, гусар... ох! сердце больно.
 Ты, знать, не горевал.
 Увы! одной слезы довольно,
 Чтоб отравить бокал!..»

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

К БАР. М. А. ДЕЛЬВИГ

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.

Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму —
Удастся ль мне, под старость дней,
Вам посвятить эпиталаму?

Из письма к кн. П. А. Вяземскому

Блажен, кто в шуме городском
 Мечтает об уединеньи,
 Кто видит только в отдаленьи
 Пустыню, садик, сельский дом,
 Холмы с безмолвными лесами,
 Долину с резвым ручейком
 И даже... стадо с пастухом!
 Блажен, кто с добрыми друзьями
 Сидит до ночи за столом
 И над славенскими глупцами
 Смеется русскими стихами;
 Блажен, кто шумную Москву
 Для хижинки не покидает...
 И не во сне, а наяву
 Свою любовницу ласкает!..

Из письма к В. Л. Пушкину

Христос воскрес, питомец Феба!
 Дай бог, чтоб милостию неба
 Рассудок на Руси воскрес;
 Он что-то, кажется, исчез.
 Дай бог, чтобы во всей вселенной
 Воскресли мир и тишина;
 Чтоб в Академии почтенной
 Воскресли члены ото сна;

Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым назло
Воскреснул новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et cetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный,
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

Элегия

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда

Страдальца довела до пристани надежной.
 Я мнил покоиться близ верных берегов,
 Уж издали смотреть, указывать рукою
 На парус бедственный пловцов,
 Носимых яростной грозою.
 И я сказал: «Стократ блажен,
 Чей век, свободный и прекрасный,
 Как век весны промчался ясной
 И страстью не был омрачен,
 Кто не страдал в любви напрасной,
 Кому неведом грустный плен.
 Блажен! но я блаженней боле.
 Я цепь мученья разорвал,
 Опять я дружбе... я на воле,
 И жизни сумрачное поле
 Веселый блеск очаровал!»
 Но что я говорил... несчастный!

Минуту я заснул в неверной тишине,
 Но мрачная любовь таилась во мне,
 Не угасал мой пламень страстный.
 Весельем позванный в толпу друзей моих,
 Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
 Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
 Веселье, Вакха и Дельфиру.
 Напрасно!.. я молчал; усталая рука
 Лежала, томная, на лире непослушной,
 Я всё еще горел — и в грусти равнодушной
 На игры младости взирал издалека.
 Любовь, отравя наших дней,
 Беги с толпой обманчивых мечтаний.
 Не сожигай души моей,
 Огонь мучительных желаний.
 Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
 Отдай мне радости, отдай мне мой покой...

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моления:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезный мой Каверин,
 Минутной резвости нескромные стихи,
 Люблю я первый, будь уверен,
 Твои счастливые грехи.
 Всё чередой идет определенной,
 Всему пора, всему свой миг:
 Смешон и ветреный старик,
 Смешон и юноша степенный.
 Пока живется нам, живи,
 Гуляй в мое воспоминанье;
 Молись и Вакху и любви
 И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не ведает, что дружно можно жить
 С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
 Что ум высокий можно скрыть
 Безумной шалости под легким покрывалом.

ЭЛЕГИЯ

Опять я ваш, о юные друзья!
 Туманные сокрылись дни разлуки:
 И брату вновь простерлись ваши руки,
 Ваш резвый круг увидел снова я.
 Всё те же вы, но сердце уж не то же:

Уже не вы ему всего дороже,
 Уж я не тот... Невидимой стезей
 Ушла пора веселости беспечной,
 Ушла навек, и жизни скоротечной
 Луч утренний бледнеет надо мной.
 Веселие рассталось с душой.
 Отверженный судьбиною ревнивой,
 Улыбку, смех, и резвость, и покой —
 Я всё забыл; печали молчаливой
 Покров лежит над юною главой...
 Напрасно вы беседу шутилой
 И нежностью души красноречивой
 Мой тяжкий сон хотите перервать,
 Всё кончилось, — и резвости счастливой
 В душе моей изгладилась печать.
 Чтоб удалить угрюмые страданья,
 Напрасно вы несете лиру мне;
 Минувших дней погаснули мечтанья,
 И умер глас в бесчувственной струне.
 Перед собой одну печаль я вижу!
 Мне страшен мир, мне скучен дневный свет;
 Пойду в леса, в которых жизни нет,
 Где мертвый мрак — я радость ненавижу;
 Во мне застыл ее минутный след.
 Опали вы, листья вчерашней розы!
 Не доцвели до месячных лучей..
 Умчались вы, дни радости моей!
 Умчались вы — невольно льются слезы,
 И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня забвенью;
 В безмолвии покорствую судьбам,
 Оставь меня сердечному мученью,
 Оставь меня пустыням и слезам.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкий сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижимый, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я замечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Там объемлет вечный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них — весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И, блаженством упоенный,

На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви — невинны мы.
Нет! разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

ДЕЛЬВИГУ

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камни молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья! —
Как дым исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!

СТИХОТВОРЕНИЯ

Нет, нет, ни счастьем, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливым
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

ТОВАРИЩАМ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока *ленивому* возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

РАЗЛУКА

(КЮХЕЛЬБЕКЕРУ)

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости!.. Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли берегах родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

ОНА

«Печален ты: признайся, что с тобой».
 – Люблю, мой друг! – «Но кто ж тебя пленила?»
 – Она. – «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лила?»
 – О, нет! – «Кому ж ты жертвуешь душой?»
 – Ах, *ей*. – «Ты скромн, друг сердечный!
 Но почему ж ты столько огорчен?
 И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
 – Не то, мой друг! – «Но что ж?» – Я *ей* не он.

* * *

Простите, верные дубравы!
 Прости, беспечный мир полей,
 И легкокрылые забавы
 Столь быстро улетевших дней!
 Прости, Тригорское, где радость
 Меня встречала столько раз!
 На то ль узнал я вашу сладость,
 Чтоб навсегда покинуть вас?
 От вас беру воспоминанье,
 А сердце оставляю вам.
 Быть может (сладкое мечтанье!),
 Я к вашим возвращусь полям,
 Приду под липовые своды,
 На скат тригорского холма,
 Поклонник дружеской свободы,
 Веселья, граций и ума.

К***

Не спрашивай, зачем унылой думой
 Среди забав я часто омрачен,
 Зачем на всё подьёмлю взор угрюмый,
 Зачем не мил мне сладкий жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;

Везде неправедная власть
 В сгущенной мгле предрассуждений
 Воссела — рабства грозный гений
 И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
 Народов не легло страданье,
 Где крепко с вольностью святой
 Законов мощных сочетанье;
 Где всем простерт их твердый щит,
 Где сжатый верными руками
 Граждан над равными главами
 Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
 Сражает праведным размахом;
 Где неподкупна их рука
 Ни алчной скупостью, ни страхом.
 Владыки! вам венец и трон
 Дает закон — а не природа, —
 Стоите выше вы народа,
 Но вечный выше вас закон.

И горе, горе племенам,
 Где дремлет он неосторожно,
 Где иль народу, иль царям
 Законом властвовать возможно!
 Тебя в свидетели зову,
 О мученик ошибок славных,
 За предков в шуме бурь недавних
 Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
 В виду безмолвного потомства,

Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

ЖУКОВСКОМУ

Когда, к мечтательному миру
 Стремясь возвышенной душой,
 Ты держишь на коленях лиру
 Нетерпеливою рукой;
 Когда сменяются виденья
 Перед тобой в волшебной мгле
 И быстрый холод вдохновенья
 Власы подьмет на челе:
 Ты прав, творишь ты *для немногих*,
 Не для завистливых судей,
 Не для сбирателей убогих
 Чужих суждений и вестей,
 Но для друзей таланта строгих,
 Священной истины друзей.
 Не всякого полюбит счастье,
 Не все родились для венцов.
 Блажен, кто знает сладострастье
 Высоких мыслей и стихов!
 Кто наслаждение прекрасным
 В прекрасный получил удел
 И твой восторг уразумел
 Восторгом пламенным и ясным!

МЕЧТАТЕЛЮ

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
 Тебе приятно слезы лить,

Напрасным пламенем томить воображенье
 И в сердце тихое уныние таить.
 Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
 О, если бы тебя, унылых чувств искатель,
 Постигло страшное безумие любви;
 Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
 Когда бы в долгие часы бессонной ночи
 На ложе, медленно терзаемый тоской,
 Ты звал обманчивый покой,
 Вотще смыкая скорбны очи,
 Покровы жаркие, рыдая, обнимал
 И сохнул в бешенстве бесплодного желанья, —
 Поверь, тогда б ты не питал
 Неблагодарного мечтанья!
 Нет, нет! в слезах упав к ногам
 Своей любовницы надменной,
 Дрожащий, бледный, иступленный,
 Тогда б воскликнул ты к богам:
 «Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
 Возьмите от меня сей образ роковой!
 Довольно я любил; отдайте мне покой!»
 Но мрачная любовь и образ незабвенный
 Остались вечно бы с тобой.

* * *

И я слышал, что Божий свет
 Единой дружбою прекрасен,
 Что без нее отрады нет,
 Что жизни б путь нам был ужасен,
 Когда б не тихий дружбы свет.
 Но слушай — чувство есть другое:
 Оно и нежит и томит,
 В трудах, заботах и в покое
 Всегда не дремлет и горит;

Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжкой и глубокой
Елей надежды не живит...
Вот страсть, которой я сгораю!..
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться... не желаю...

СКАЗКИ

NOËL

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя страшает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я пил и ел и обещал —
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи
И людям все права людей,

СТИХОТВОРЕНИЯ

По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Распрыгалось дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки,
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалить
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет...
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь!
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья,
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

ОРЛОВУ

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку,
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача, —
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.

Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате
В бухарской шапке и в халате,
Я буду петь моих богов,
И буду ждать. — Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей
И брани громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой — я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой — люблю сей темный сад
 С его прохладой и цветами,
 Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
 Где светлые ручьи в кустарниках шумят;
 Везде передо мной подвижные картины:
 Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
 Где парус рыбака белеет иногда,
 За ними ряд холмов и нивы полосаты,
 Вдали рассыпанные хаты,
 На влажных берегах бродящие стада,
 Овины дымные и мельницы крилаты;
 Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
 Учуся в истине блаженство находить,
 Свободною душой закон боготворить,
 Ропганью не внимать толпы непросвещенной,
 Участьем отвечать застенчивой мольбе
 И не завидовать судьбе
 Злодея иль глупца в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
 В уединеньи величавом
 Слышнее ваш отрадный глас;
 Он гонит лени сон угрюмый,
 К трудам рождает жар во мне,
 И ваши творческие думы
 В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
 Среди цветущих нив и гор
 Друг человечества печально замечает
 Везде невежества убийственный позор.
 Не видя слез, не внемля стога,
 На пагубу людей избранное судьбой,